

Исмаилова А.И.

УДК 93:396.512.145+325.454+316.3(477.75)

СТАТУС КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В КРЫМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Крымскотатарская женщина... Смысл этих слов достаточно глубок и не разгадан. Но одно известно точно – это ее самоотверженность. Потому что, веками проживая в Крыму, а затем в депортации, она испытывала трудности, а порой и унижения. Она смогла уверенно устоять на ногах, стать женой, матерью, опорой мужу и детям. В годы депортации работала наравне с мужчинами, нередко жертвовала собой ради сохранения жизни своих детей и при этом никогда не теряла чести и достоинства. Данная тема является актуальной, так как на сегодняшний день наблюдается рост интереса к вопросу о статусе крымскотатарской женщины на протяжении веков. Женщины играют важную роль в крымскотатарском обществе. В их честь написаны песни, рассказы и поэмы. Роль женщины в нашей жизни трудно переоценить, ведь как сказал Пророк Мухаммед (с.а.в.¹): «Рай находится под ногами матерей». В книгу истории крымскотатарского народа вписаны имена и женщин. Во времена Крымского ханства – это Джанике-ханым, Диляра-Бикеч, Нур-Султан-ханым. В начале XX века – это дочь Исмаила Гаспринского Шефика-ханым, издававшая первый крымскотатарский женский журнал «Алем-и-нисван», на страницах которого она поднимала проблемы женщин, объединяя их для решения проблем не только в Крыму, но и во всем мусульманском мире. Во время Второй мировой войны крымские татарки сражались на фронтах, уходили в подполье, воевали в партизанских отрядах. В годы депортации женщины сыграли огромную роль в сохранении родного языка, традиций и обычаев своего народа. Мы с детства воспитываемся на примерах своих бабушек, мам, сестер, которые не только замечательно справлялись с привычным, традиционным своим предназначением – заботой о детях, семье, доме, но и наряду с мужчинами включались в борьбу за права народа. Женщины были не только хранительницами очага, они становились верными союзницами и единомышленицами своих мужей.

Целью данной работы является показать изменения статуса женщины в крымском обществе на протяжении XVIII – начала XX вв. Задачами данной работы является: проанализировать влияние ислама на статус женщины в обществе; раскрыть образ крымскотатарской женщины в фольклоре; изучить точку зрения русских и европейских путешественников о крымскотатарской женщине; исследовать изменение статуса крымскотатарской женщины в результате джадидистской реформы.

Изучение данной темы следует начать с вопроса о статусе мусульманской женщины в религии, а также с вопроса о статусе женщины в обществе, ее значении в семье. Для их раскрытия необходимо обратиться к Корану, Сунне и шариату. Разъяснение многие аспектов данного вопроса есть в сборниках хадисов Пророка Мухаммеда, Сахих аль-Бухари и Сахих Муслима.

В Священном Коране целая сура имеет название «ан-Ниса», что означает «Женщины», а также суры 24 «Свет», 65 «Развод», 66 «Запрещение», 58 «Препирательство». В них содержатся вопросы, связанные с различным положением женщин, например: брачный возраст, махр – уплата за невесту, элементы женской одежды, хиджаб.

Женщина в Исламе занимает важное место по отношению к Аллаху и обществу в целом. Она рассматривается как драгоценность, требующая заботы и бережного отношения. Женщина – это и мать, и сестра, и жена, и дочь. Пророк сказал: «Рай находится под ногами матерей».

Роль женщины не ограничивается лишь домом, семьей и домашним хозяйством. При желании женщина может участвовать в общественной и политической жизни общества и т. п. Как известно, супруга Пророка Мухаммеда – Хадиджа успешно вела свою торговлю. Да, конечно, женщина физически слабее мужчины. Но этот факт не означает, что она менее значима, чем мужчина [8, с. 247]. Согласно Исламу ценность человека не зависит от его пола, главным является степень его веры, искренность в соблюдении повелений и запретов Аллаха, стремление жить согласно морали Корана.

Обязанностью мужчин и женщин является соблюдение личной морали и очищение души. Какими бы правами не обладал человек в исламе, все они неоспоримы и нерушимы. Сколько требуется от мужчин для его полноценной жизни в мире, столько же требуется и от женщин. Данный вопрос следует закончить словами пророка Мухаммеда: «Почитает женщину только благородный, а унижает ее – только подлец!» [8, с. 53].

Следующий вопрос, который по своей сути носит характер отображения развития крымскотатарского народа, является фольклор. Изучение устного народного творчества на территории Крыма начинается в конце XIX – начале XX в.

В крымскотатарском фольклоре образ крымскотатарской женщины выражен в таких жанрах, как: песни, загадки, сказки, частушки, пословицы, поговорки, эпосы и анекдоты. Многие крымскотатарские писатели, являющиеся составителями сборников пословиц и поговорок, приводят ряд примеров, касающихся взглядов на женскую красоту, тему любви, напутственных слов при выборе спутника жизни, супружеских отношений: «Не красивая красива, а любимая красива» [2]; «Красивая для глаз, умная для души» [18]; «Скот покупай у богатого, девушку бери у бедного», так как «Крестьянская девушка работающая, а байская дочь – сонливая» [19]; «Муж и жена из одной глины слеплены» [3]. В них также встречаются изречения о пренебрежительном отношении к женщине, о материнской любви: «Из дерева кочерги не будет, из женщины правителя не будет», «И тысяча теток родной матери не заменит» [22].

В легендах раскрывается образ свободной крымскотатарской женщины, как, например, в легенде «Арзы кыз» [3]. В легенде «Султан салэ» в образе Ресамхан отображены ум и красота женщин.

¹ С.а.в. – Мир ему и благословение Аллаха – данное выражение употребляется при упоминании Пророка Мухаммеда

В крымскотатарских легендах также воплощены такие черты, как отзывчивость («Джанике из Къыркь Ора»), смелость («Къара-Дагъ – Черная Гора»). Сильной и гордой выступает владелица крепости Айше в одноименной легенде «Гордая Айше». Девушки из легенды «Орлинный залет» вместе с юношами боролись против жестокого князя Туган-бея. Наряду с положительными образами также описаны отрицательные, включающие в себя такие черты как подлость, эгоизм и коварство («Эчкидагъ – Козья Гора»). Образ матери раскрывается в таких легендах как «Акъмесджит насыл пейда олды – Как возник Акъмесджит», «Живые скалы». Насущной темой также являлась проблема многоженства («Письмо Магомету») [10].

В крымскотатарских сказках встречаются два типичных образа, которые представляют собой полный контраст: это положительный образ – дочь или жена бедняка, и отрицательный образ, олицетворяющий в себе корысть, зависть, глупость и лень. Образ женщины обладает сильной волей и героизмом («Аккъбабакъ къыз»), а также представлен как сила, которая борется за свободу («Кадий и крестьянин») [20].

Но, говоря о загадках, хотелось бы отметить что именно женщинам, прежде всего многие загадки обязаны своим возникновением. От женщин загадки пришли к детям, которые сделали загадки предметом своей забавы и, изменив истинный смысл некоторых новыми отгадками, разнесли их дальше. Но о самих женщинах была найдена всего одна загадка:

Юксек, юксек джылгъалар,
Анда джылан балалар,
Еты харам шурбасы хелял
Уна не айтыр муллалар.
(Къадын)

Высокие, высокие ветви,
На них змеёныши.
Мясо их запрещено,
А суп их дозволен.
На это муллы что говорят?
(Женщина) [27, с. 56-57].

Больше всего в крымскотатарском фольклоре повезло песенному жанру. В песнях говорится о длинных косах, пахучих локонах, черных бровях, синих глазах, о ресницах, похожих на стрелы, о глущем взгляде, о крепких жемчужных зубках, сладких устах, соловьиных голосах, тонком стане, нежных пальцах и т.д.

Следующим жанром фольклора являются анекдоты. В данном случае следует обратиться к анекдотам о Ходже-Насредине и Ахмет-ахае. В сборе анекдотов участвовали С.И. Мирер и сотрудники Алушкинского музея. Как отмечал С.И. Мирер, есть большая группа анекдотов, в которых Ахмет-ахай наказывает прелюбодеяние. Хотя, если быть точными, именно эта сторона в сборнике анекдотов, собранных С.И. Мирером, отражена слабо. Упоминание о злых и неверных женах встречается в ситуации, когда Ахмет-ахай спрятал шайтана в сундук, а потом жена выпустила его [6].

Разные женщины, разные судьбы, разные образы представлены в сказках, легендах, анекдотах и т.д.

С древних времен Крым является магнитом для всех путешественников и краеведов, благодаря записям которых сегодня мы имеем данные о Крыме, о жизни крымскотатарского народа, крымских повелителях в разные периоды истории.

Привлекал внимание краеведов вопрос о статусе женщины в семье, ее одежда, занятия, проведение свадеб, на которых путешественники очень любили бывать.

О статусе женщины писал в своем трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалон Литвин, упоминавший о том, что крымскотатарская женщина находилась постоянно взаперти. Раскрывается насущный вопрос о праве многоженства. По религиозным убеждениям разрешалось иметь четырех жен, но по неизвестным причинам были случаи, хотя и очень редкие, мужчины брали семь, о чем упоминал Густав Раде в своей работе «Крымские татары» [25]. А. Чеглок в своем труде «Красавица Таврида» писал о том, что женщина низведена до положения рабыни. Раскрывается проблема запрета получения полного образования, ограничения возможности посещать джами и молиться только дома. Данное положение обуславливалось пословицей: «Кто даст волю женщине, тот у себя ее отнимет» [28, с. 94].

Бесправие женщин проявлялось в обязанности находиться всегда дома, где они работали за ткацким станком, шили или занимались домашним хозяйством.

Отдельного внимания заслуживает проблема покрытия головы, которая приводила в изумление посетителей полуострова. Обычай закрывать лицо в большей степени присутствовал в степной части полуострова, южнобережные татарки обыкновенно не закрывали лица. Данный факт освещен О.О. Воропоновым в путевых заметках «Среди крымских татар» при посещении прибрежной части Крыма. Путешественник сравнил крымское селение с волжской татарской деревней, в которой «татарка при виде чужого человека, непременно чем-нибудь прикроет свое лицо, но здесь татарки вовсе не обнаружили этого обычая и, оглядывая свободно приезжего, не покрывались и сами» [4]. Княжна Елена Горчакова, побывав в Крыму и посетив Бахчисарай, в своих «Воспоминаниях о Крыме», так описывала женщин: «В толпе мелькнули две-три женщины похожие на статуи, с головы до ног обернутые в белые простыни, обутые в желтые туфли, они проходили через улицу медленно, как заведенные куклы, но из под белого покрывала блестели черные, быстрые глаза...» [7].

Многие посетители нашего полуострова отмечали чрезмерное любопытство женщин. «Всякий проезжий, проходя мимо татарского жилья, может заметить, как в притворенную щель уличной двери

просвечивают несколько красных фесок, расшитых золотыми монетами; но не успеет он приблизиться к жилищу, как притворенная уже дверь скроет от него любопытные глазки.

Когда татарке удается попасть в жилье женщины-христианки, то любопытству ее не бывает конца: каждая вещь, каждая побрякушка привлекает ее внимание, и восклицание: «Алла, Алла!» слышится на каждом шагу» [14, с. 9-10]. Много записей о крымских татарках было сделано в Бахчисарае. Посетители этого города так вспоминают свои наблюдения: «... приезд наш и еще двух семейств возмутил спокойствие женского населения смежных с дворцом домов. Беспреданно виднелись у ворот белые чадры, чрез которые сверкали любопытные глаза» [13, с. 76]. Эти записи являются подтверждением любопытной натуры не только крымских татарок, а, в принципе, каждой женщины.

Красота крымскотатарских женщин также освещена в путевых заметках путешественников. Н.С. Всеволожский в своих записях «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу...» писал о том, что «между южнобережными встречаются, хоть редко, пригожие женщины; между степными же никогда; те все дурны, и от того-то, мне кажется, так тщательно прячутся от иностранцев» [5]. Эвлия Челеби во время пребывания в Крыму отмечал: «Прикрытые вуалями тамошние женщины весьма прекрасны и красивы. Каждый волос в их локонах черен, как ночь, а родинки на их личиках, словно родинки хашимиток (бедуинское племя)» [29]. Красотой южнобережных крымских татарок восхищались практически все путешественники, утверждающие, что «южнобережные женщины отличаются мягкими и правильными чертами лица, темными, с длинными ресницами, большими глазами и тонкими, красиво очерченными бровями» [21, с. 250]. О красоте южнобережных татарок, а особенно представительниц из села Корбекли, писал А.Я. Безчинский «Пояснительный текст в серии «Крым»» [24].

Огромное внимание привлекал к себе национальный женский костюм, являющийся составной частью эстетических представлений крымских татарок, которые соответствовали этическим и религиозным нормам. Британка Элизабет Кравен была поражена внешним видом жены Карасубазарского кадия: «На голове у этой женщины была чалма, украшенная мелкими бриллиантами и дешевым жемчугом. Ее ногти были выкрашены в красный цвет, лицо раскрашено белой и красной краской, а вены – синей... На ней было что-то вроде длинного халата, поверх него – жилет, а вместо пояса – платок, расшитый золотом и разными шелками». Также Милледи хотела удивить своим внешним видом сестру каймакана, но пришла к выводу, что «...все, что не является золотом, серебром, жемчугом или бриллиантами, здесь абсолютно ничего не значат.» Василий Зуев в своих записках упоминал, что женщины волосы на голове заплетали в две косы, которые обвивали вокруг головы, а девушки расплетали свои волосы на множество мелких кос [21].

На протяжении XIX – начала XX вв. крымскотатарский костюм претерпевал существенные изменения и, в конце концов, был заменен европейским. Традиции исчезли из повседневной жизни.

Следующий вопрос, который интересовал практически всех без исключения посетителей полуострова, является обычай проведения крымскотатарской свадьбы. Фредерик Дюбуа так описывает наблюдаемую им свадебную процессию: «Я прибыл в Тувак как раз в тот момент, когда новобрачную провожали в дом жениха. На две повозки натянули род ковра в виде крыши, непроницаемой для глаз любопытствующих; но она получилась такой низкой, что сидящие в глубине повозки невеста и подружки касались ее головой. Я не видел невесты, впрочем, это и невозможно, настолько она была закутана в покрывала и одежды. В следующую повозку нагрузили приданое, состоявшее из ковра, одеял, подушек и т.д.; в каждую повозку была запряжена пара быков; грянули звуки флейт и барабанов, и весь караван двинулся в путь, чтобы преодолеть расстояние в сто шагов. Зрелище было красивое: толпа, теснившаяся вокруг новобрачной в момент отъезда; крыши окрестных домов, заполненные народом и детьми; и десятка три девочек, во всех своих украшениях, в красных шапочках, унизанных мелкими золотыми монетками, из-под которых, как лепестки из бутона, ниспало множество мелких косичек, с робостью и жадным любопытством разглядывали это торжественное зрелище, в котором им самим предстояло однажды сыграть главную роль» [11].

О раскрепощении мусульманок первым заговорил Исмаил Гаспринский. Предоставление прав и свобод, понимание собственного положения в обществе, которое при помощи этого великого человека поднялось намного выше. Женщины начали заявлять о себе, принимать активное участие в общественно-политической жизни. Пройдя через непонимание и сопротивление религиозных деятелей, крымскотатарские женщины не отступили, получив огромную поддержку со стороны Исмаила Гаспринского, много сделавшего в свое время для социализации крымскотатарских женщин. Главным трудом Великого Учителя была газета «Терджиман», на страницах которой он освещал проблемы женщин-мусульманок. Гаспринский пишет о том, что «мусульманский закон не обязывает женщину скрывать руки и лицо» [16]. Одной из важных тем, которые были описаны на страницах «Терджимана», является брачно-разводный процесс. В случае брака женщина имеет право выдвигать собственные условия. Это указывает на то, что женщина была свободна, «не подавлена».

В статье Т. Дагъджи «Биз биринджилер сырасында эдик» («Мы были первыми») говорится о следующем шаге к раскрепощению женщин – издании женского журнала «Алем-и-Нисван» («Женский мир»), редактором которого являлась дочь Исмаила Гаспринского – Шефикья-Султан [9]. В Турции сохранился архив Шефикьи Гаспринской, на базе которого была написана книга Dr. Şengül Hablemitoğlu и Dr. Necip Hablemitoğlu «Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk kadın Hareketi (1893 – 1920)» [28].

По своей сути джадидистская реформа послужила толчком для поднятия насущного вопроса об эмансипации женщин. Проблема, поднятая Исмаилом Гаспринским, была продолжена его последователями и единомышленниками.

Опираясь на Коран, Сунну и хадисам становится понятным, что на протяжении многих веков данные об

истинном положении женщины в религии были искажены. Фольклор, в свою очередь, показывает нам женщину с другой стороны – со стороны восприятия и отношения к ней народа. Даже отрицательные образы, которые также присутствуют в устном народном творчестве, являются религиозным пережитком. Согласно данным путешественников и краеведов, женщина была ущемлена все по тем же «искаженным» религиозным представлениям. Период деятельности Исмаила Гаспринского, распространение джадидистской реформы является благоприятным периодом для окончательного изменения статуса крымскотатарской женщины в крымском обществе. Материалов, касающихся непосредственно данной темы, немало, и представляется возможным проанализировать их в данной работе.

Источники и литература:

1. Алимova Л. У. Вопросы женского образования в педагогике И. Гаспринского / Л. У. Алимova // Эстафета поколений : материалы науч.-практ. конф., посвященной 155-летию со дня рождения И. Гаспринского (23 марта 2006 г.). – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2007. – С. 14-17.
2. Атaлар сѣзлери ве айтымлар: кырымтатар тилининъ паремиологик лугъаты / Топлангъан ве тертип эткен Шевкет Асанов. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 183 с.
3. Бекиров Дж. Татар фольклоры: филология факультеты (татар тили ве эдебияты болуги) студентлер ичюн хрестоматия / Дж. Бекиров. – Ташкент : «Укитувчи» Нешрияты, 1975. – 312 с.
4. Воропонов О. О. Среди крымских татар. Из путевых заметок / О. О. Воропонов // Вестник Европы : журнал истории, политики, литературы. – СПб. : Ред. «Вестника Европы», 1888. – Т. 130. – 250 с.
5. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж, в 1836 и 1837 годах / Н. С. Всеволожский. – М. : Тип. Августа Семена, при Императорской Академии Наук, 1790. – 441 с.
6. Гордлевский В. Ахмет-ахай. / В. Гордлевский // Ватан. – 1992. – № 2. – С. 14.
7. Горчакова Е. Воспоминания о Крыме / Е. Горчакова. – М. : Тип. о-ва распространения полезных книг, 1883. – 254 с.
8. 200 хадисов: Избранные высказывания и поступки пророка Мухаммада / подборка и обраб. Абдуль Рахим Аль-Фахим; [пер. с араб. и англ.]. – К. : Ансар Фаундейшн, 2003. – 192 с.
9. Дагъджи Т. Биз биринджилер сырасында эдик / Т. Дагъджи // Янъы дюнъя. – 2003. – № 16. – С. 6.
10. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 199 с.
11. Дестанлар / Топлангъан ве тертип эткен Д. Бекиров. – Ташкент : Эдебият ве санъат нешр., 1980. – 152 с.
12. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкезам и абхазам, Грузию, Армению и в Крым / Дюбуа де Монпере Фредерик; пер. с фр., предисл., примеч. Т. М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
13. Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма / К. Жуков. – СПб. : В печати В. Головина, Владимирской церкви, 1885. – 156 с.
14. Завадский-Краснопольский А. К. Русское царство Крым: Природа, население и особенности края / А. К. Завадский-Красновольский. – СПб. : Тип. П. П. Меркульева, 1873. – 47 с.
15. Зарубин А. Г. Сказки и легенды крымских татар / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – Симферополь : Дар, 1991. – 150 с.
16. Исмаил Гаспринский (1851-1914). Сборник документов и материалов / сост. В. Ю. Ганкевич. – Херсон, 1994. – 328 с.
17. Исметова Х. Еще раз о правах женщин / Х. Исаева // Переводчик – Терджиман. – 1913. – № 91. – С. 157.
18. Керичке кетсень, Къазантипке тие кет : Керич ярымадасы кырымтатарларынынъ аталар сѣзлери ве айтымлары / топлагъан: С. Валиев, К. Къонъуратлы (Усеинов), Ф. Джеппарова. – Симферополь : Оджакъ, 2004. – 76 с.
19. Къайда бирлик, анда тирлик: кырымтатар аталар сѣзлери / Тертип эткен Р. Фазыл. – Ташкент : Эдебият ве санъат нешр., 1971. – 192 с.
20. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир / Тертип эткенлер: К. Джаманакълы, А. Усеин. – Симферополь : КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2008. – 384 с.
21. Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. / Э. Кравен; пер. с фр. и предисл. Д. Рунич. – М. : Университет типогр., 1795. – 525 с.
22. Малороссия. Новороссия. Крым : исторический этнографический очерк / сост.: А. Г. Макарова, С. Э. Макарова. – М. : АИРО – XXI, 2006. – 320 с.
23. Музафаров Р. И. Татарские народные пословицы / Р. И. Музафаров. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1959. – 153 с.
24. Пояснительный текст к серии «Крым» / сост. А. Я. Елпатьевского. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1908. – 118 с.
25. Радде Г. Крымские татары (исследования и материалы) / Г. Радде // Вестник Императорского Географического общества. – 1856. – № 6. – С. 291-320.
26. Тимофеев Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1978. – 300 с.
27. Филоненко В. И. Загадки крымских татар = Къырымтатарларынынъ тапмаджалары / В. И. Филоненко. – Симферополь, 1926. – 57 с.
28. Чеглок А. Красавица Таврида. Горный Крым / А. Чеглок. – М. : Изд. К. И. Тихомирова, 1910. – 113 с.

29. Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641- 1667 гг.) / Э. Челеби. – Симферополь : Таврия, 1996. – 240 с.
30. Dr. Şengül Hablemitoğlu. Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk kadın Hareketi (1893 - 1920). / Dr. Şengül Hablemitoğlu, Dr. Necip Hablemitoğlu. – Ankara, 1998. – 672 s.

Кабульдинов З.Е.

УДК 339,187.6(574)(571.1)

ФОРМИРОВАНИЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КАЗАХОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННИХ ГУБЕРНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Как известно, почти все казахское население Томской и Тобольской губерний, было вынуждено арендовать земли у Кабинета (Алтайского горного округа - З.К.), у крестьян и губернских властей - казенно-оброчные статьи. И при этом они продолжали платить государственные подати в местах своих причислений на территории сопредельных Акмолинской и Семипалатинской областей. Нельзя забывать, что пребывание казахов на землях внутренних сибирских округов властями воспринималось как временная мера [1, 68 об.]. И, пожалуй, не было ни одного аула или старшинства, которые не были бы причислены к внешним казахским волостям, если даже они кочевали на внутренней стороне несколько десятков лет и даже, несмотря на то, что они в местах своих причислении не имели постоянно закрепленных за ними земель.

А это обстоятельство не могло не привести к сильной деформации арендных хозяйств казахов, одинаково не создавая условий, как для развития земледелия, так и скотоводства [2, с. 9-15]

Конечно, царизм, желая задержать дальнейшее продвижение казахского кочевого населения в глубь внутренних российских губерний, попытался сделать заслон в виде создания арендных отношений на землях военно-казачьего населения Иртышской и Новоишимской линий.

Но по отношению к казахскому населению на казачьих землях были созданы не совсем сносные арендные условия применительно как к первой половине XIX века, так и второй. Об этом свидетельствуют многочисленные документальные свидетельства этого периода.

Кстати, земельные противоречия казахов и сибирского казачества и крестьян внутренних округов до того обострились, что они стали предметом обсуждения, как на правительственном, так и на региональном уровнях [3].

Естественно, не находя возможности спокойно кочевать на арендных казачьих землях, казахи массами устремлялись на земли Тобольской и Томской губернии. Здесь они, прежде не платя государству, Кабинету, крестьянам никакой арендной платы, с приходом царизма и переселенческого крестьянства вынуждены были арендовать у них свои же родовые земли. К примеру, это можно хорошо проследить из жизни казахов, проживавших на территории Устькаменогорского имения Томской губернии, приписанных к Чингистауской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. Население этой волости в 1830 юрт в течение 200 лет пользовалось пастбищами по берегам реки Бухтарма до верховьев реки и Чингистауского перевала. На этом пространстве протяженностью до 300 верст имелись богатые урочища Укок, Калгутты, Джазайтыр, которые считались местами их традиционных зимовок. В летние месяцы скотоводы кочевали в горах Чабанбай по правому берегу Бухтармы, а в зимние - частично в долине Бухтармы и в горах Тарбагатай, находящиеся на левобережье этой реки. В 1867 году горы Чабанбай перешли во владение царской семьи, а казахов стали выселять с правобережья на левобережье, на узкое пространство между Бухтармой и Тарбагатаем. На правом берегу реки стали образовываться русские селения, это привело к тому, что казахи стали переводиться на положение арендаторов [4, с. 128]. Такая же ситуация повторялась в целом ряде других случаев.

Для лучшего уяснения вопроса арендных отношений во внутренних российских округах (уездах) рассмотрим различные виды аренды в различных местах. В Кулундинской степи Барнаульского уезда Томской губернии, где на площади 900 тысяч десятин земли царизм попытался сделать своего рода "резервацию" для всех кочующих в кабинетных землях казахов, с 1880 года была установлена строго фиксированная арендная плата в 6 рублей на каждое наличное хозяйство, из которых 1 рубль 50 копеек поступал в пользу государственного казначейства и 4 рубля 50 копеек - в пользу Кабинета. Хотя до 1880 года остатки верноподданных казахов, допущенных официально царизмом еще в конце XVIII века и не вошедших во внутренний Семипалатинский округ (образованный в 1854 году - З.К.), никаких податей не платили. Но зато за все это время находились под реальной угрозой выселения [5, 2 об.-3].

А в районе Бельгагачской, Коростелевской и Ремовской степях Змеиногорского уезда, не разбитых на участки, к примеру, в 1899 году арендная плата взималась в следующих размерах: с юрты и зимовки - по 40 копеек, за годовой выпас скота - по 15 копеек с головы крупного рогатого скота и 5 копеек - с головы мелкого скота, за покос платили по 40-60 копеек за десятину [9, с. 11]. Хотя в 60-х годах XIX века арендная плата здесь была намного ниже: за одну десятину пашни платили 40 копеек, а в 1884 году чиновниками по сбору арендной платы эти степи были разбиты на 50-десятинные участки. Арендная плата участков, в зависимости от их предназначения для пашни или для пастбища, была различной. Так, к примеру, пастбищные участки сдавались по 6 рублей 60 копеек, то есть 13 копеек за одну десятину, а пахотные - по 20 рублей в год, то есть по 40 копеек и при этом разрешалось вспахать весь участок. В начале 90-х годов XIX века условия сдачи участков немного изменились, когда цена пахотных участков была установлена до 30 рублей, то есть по 60 копеек за одну десятину и было разрешено распахать из участка не более 13 десятин (при 50-десятинном участке - З.К.), а цена пастбищных участков была поднята до 13 рублей, что